

УДК 9Н.3.316.344.24

Т.Г. Нефедова¹**ЗАНЯТОСТЬ И ОТХОДНИЧЕСТВО НАСЕЛЕНИЯ В СТАВРОПОЛЬСКОМ КРАЕ²**

Рассмотрены разные подходы к выявлению степени занятости населения, интенсивности и направления отходничества, понимаемого как трудовые возвратные миграции населения. Показана специфика Ставропольского края как представителя южных регионов европейской части России. Раскрыты причины усиления возвратных трудовых миграций в разных районах края, связанные как с общими экономическими и институциональными изменениями, так и со спецификой населения и специализации районов. Сравниваются направления трудовых миграций в разных частях края, а результаты сопоставлены с миграциями на постоянное место жительства в 1990-х и 2000-х гг. Выявлены перспективы развития разных районов Ставропольского края.

Ключевые слова: возвратные трудовые миграции, отходничество, занятость населения, неформальная занятость, миграции на постоянное место жительства.

Введение. Отход крестьян на заработки, особенно в зимний период, был весьма распространен в России в XIX — начале XX в. и подробно рассмотрен в дореволюционной, советской и постсоветской литературе [Владимирский, 1927; Данилов, 1974; Рыбников, 1929]. Между Москвой и Петербургом отход в города, порой с длительным проживанием в них, практиковали от 7 до 15% мужского населения деревень, а в Московской губернии и на юго-восток от нее³ — до 20%. Во второй половине XX в., после освобождения от советского “закрепощения” в деревне, сельские жители стремились переехать в крупные города на постоянное место жительства, хотя и тогда временные работы в городах практиковали и мужчины и женщины (часто работали няньками, домработницами и т.п.). В постсоветские годы дополнительно к административным возникли экономические барьеры проникновения в крупные центры. Квартиры в больших городах стали финансово недоступны, а зарплаты в сельской местности в 1990-х гг. составляла менее половины городских (в позднесоветский период они почти сравнялись). При этом в результате кризиса 1990-х гг. резко сократилось число рабочих мест в сельской местности и в малых городах. Вместе эти три фактора — отсутствие рабочих мест, низкая зарплата в месте проживания и невозможность переехать к месту работы — породили “новое” отходничество, которое, по определению П.П. Великого [2010], во второй половине 1990-х, а особенно в 2000-х гг., при сильной социально-экономической поляризации пространства России оказалось единственным способом обеспечения необходимого уровня жизни в небольших городах и сельской местности.

Число отходников как представителей возвратных трудовых миграций между домом и работой, иногда на дальнее расстояние и на разное время,

огромно. Этот невидимый феномен по численности втянутого в него населения превышает число иностранных рабочих и численность мигрантов на постоянное место жительства. Все это запутало понимание того, сколько же населения реально живет и работает в сельской местности, в малых и больших городах. Определенным прорывом стала книга Ю.М. Плюсина с соавторами “Отходники” [2013], опирающаяся на многолетние качественные социологические обследования на основе интервью с представителями этой категории трудовых мигрантов. Опросы населения, ищущего работу за пределами места постоянного проживания, в 2000-х гг. проводил М.Б. Денисенко и др. [Денисенко и др., 2009; Флоринская и др., 2015]. Задача исследований состояла в поиске методов использования ограниченного статистического материала, позволяющего вместе с экспертными оценками специалистов определить масштаб отходничества и выявить влияющие на него факторы на примере одного из регионов юга Европейской России.

Обоснование выбора и характеристика района исследований. Большинство исследователей отходничества по инерции рассматривают районы Центральной и Северо-Западной России, проводя аналогии с местами максимального дореволюционного отхода в Москву и Петербург. И хотя столицы и их ближайшее окружение по-прежнему поглощают около 70% трудовых мигрантов страны, зоны выхода этих мигрантов значительно расширились. Это и регионы Поволжья (особенно Башкортостан с Чувашией), и южные районы России, которые в досоветское время были местом не отхода, а притяжения трудовых мигрантов на сельскохозяйственные работы из центральных губерний. Кроме того, современные возвратные миграции в Центральной и Северо-Западной России отлича-

¹ Институт географии Российской академии наук, приглашенный преподаватель кафедры экономической и социальной географии России географического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, вед. науч. с., докт. геогр. н.; e-mail: trene12@yandex.ru

² Работа выполнена в Институте географии РАН при поддержке РФФИ (грант № 14-18-00083).

³ Тогда это определялось статистически по числу выданных крестьянам паспортов.

ются от дореволюционных тем, что происходят на фоне не избытка, а недостатка трудовых ресурсов в местах выхода мигрантов. На Юге, наоборот, постсоветские условия определили сильную перенаселенность сельской местности, что стало дополнительным стимулом массового отходничества. Поэтому изучение этого феномена в, казалось бы, более благополучных южных регионах не менее актуально.

Ставропольский край с его черноземами на западе, полупустынями на северо-востоке и предгорными лугами на юге, расположенный на фронтире православного и мусульманского миров, с многочисленными этническими взаимодействиями и проблемами, представляет собой прекрасный образец южных районов Европейской России с разными видами хозяйственной занятости или незанятости внутри края⁴.

Главные отличия Юга от Нечерноземья, помимо природных условий, — лучший человеческий капитал и принципиально иная система расселения. Это регион поздней волны урбанизации [Белозеров, 2009], здесь не было столь длительной депопуляции, городов-миллионеров тоже нет, хотя есть ярко выраженные полюсы развития — быстро растущий Ставрополь с населением 420 тыс. человек и агломерация городов Кавказских Минеральных Вод, по численности превышающая столицу региона в 1,5 раза (602 тыс. человек в 2014 г.). Для края характерны повышенная плотность сельского населения (10–30 человек/км²) и крупные села (в населенных пунктах с числом жителей более 5 тыс. человек живет около 40% сельского населения, а в поселениях с числом более 1 тыс. человек — почти 90% [Всероссийская перепись..., 2011]). Здесь сохранились крупные сельскохозяйственные предприятия с высокой продуктивностью земель. Зброшенных полей на равнинном Северном Кавказе, особенно в его западной части, меньше, чем в других районах России. Большой интерес к агропромышленному комплексу проявляют инвесторы, малые предприниматели, здесь много фермеров. Тем не менее проблемы занятости сильно обострились, особенно в сельской местности с ее слабыми сервисными функциями и отсутствием местообразующего производства, кроме сельскохозяйственного. Это усилило временный отток населения на заработки.

Отход населения на заработки, особенно дальний, имеет множество негативных последствий. Он предполагает отсутствие дома в течение длительного времени, что влияет на отношения в семье вплоть до ее распада [Плюснин и др., 2013]. Отходничество — это вынужденные приработки во вне, однако периодическое пребывание дома, примерно равное времени на работе, не только дает возможность вести продуктивное домашнее хозяй-

ство, что особенно важно на плодородном юге, но и формирует особый тип личности отходников, которым уже трудно вернуться к ежедневному труду. Сам отход на юге весьма разнообразен в профессиональном отношении (мужчины едут в крупные города таксистами, строителями, охранниками, женщины — на домашние работы) и по длительности (из-за удаленности преобладает отход, измеряемый месяцами, в отличие от Центральной России, где возможна работа в Москве и Подмосковье в более сжатом режиме).

Материалы и методы исследований. Отход населения из сельской местности, малых и средних городов на заработки лишь одна из разновидностей возвратных миграций населения обычно в недельном, месячном, полугодовом ритме. Отход во многом пересекается с понятием неформальной занятости, хотя часть отходников может работать вполне легально. Возвратные перемещения населения включают также комьютеров (маятниковых мигрантов, которые ежедневно ездят на работу в другой населенный пункт) и дачников, постоянно перемещающихся между городом и сельской местностью. Есть и переходные формы маятниковой миграции, например сутки работы и трое суток дома, характерные больше для периферийных зон агломераций, или временная работа дачников в местах длительного отдыха.

Само понятие неформальной занятости расплывчато, хотя это мощный сегмент российского рынка труда, составляющий 25–30% экономически активного населения [Кубишин, 2003]. Именно теневая занятость и отсутствие статистических данных о ней сильно затрудняют изучение отходничества. Данные официальной статистики о состоянии труда, включая трудовые балансы, не дают адекватной информации о реальной картине занятости населения. С уверенностью можно говорить лишь о тех, кто занят по договорам гражданско-правового характера, платит страховые взносы в пенсионный фонд. В наибольшей степени это касается крупных и средних предприятий, да и то не всегда, хотя в 2000-х гг. зарплата “в конверте” стала не столь массовым явлением. На малых предприятиях, у фермеров и индивидуальных предпринимателей со статусом физического лица часто официально оформлены лишь руководитель и высшее звено помощников.

Отсутствие адекватной официальной статистики делает необходимым привлечение разных источников информации. Наиболее надежны непосредственные обследования территории на уровне поселений. Во время экспедиции 2011 г. автором были подробно изучены разные типы поселений в 5 муниципальных районах на западе и востоке, на севере и юге Ставропольского края, а также в агломерации Кавминвод [Нефедова, 2012]. Про-

⁴ Результаты опираются не только на исследования 2014 г., но и на неоднократные экспедиционные обследования Ставрополья в предыдущие годы, что позволило вести своеобразный мониторинг состояния экономики края и миграции населения, особенно в сельской местности [Нефедова, 2012, 2013; Нефедова, Пэллот, 2006].

ведена серия глубинных интервью с представителями муниципальных и сельских администраций, руководителями предприятий, фермерами, населением. В 2014 г. проводилось интервьюирование представителей региональных министерств и ведомств Ставропольского края. Для сравнения с экспертными оценками и данными наблюдений привлечена региональная и муниципальная статистика, а также ведомственные материалы, данные обследования населения по проблемам занятости (ОНПЗ) за 2013 г. и литературные источники.

Для понимания степени разброса исходных данных необходимо привести разные оценки численности отходников в России. В последние годы Федеральная служба государственной статистики стала публиковать данные о потоках трудовых мигрантов между регионами России размером 1,0–2,5 млн человек [Труд и занятость, 2013]. Как показал опыт исследований автора и специалистов, проводящих опросы населения в разных районах, эти данные сильно занижены. В начале 2000-х гг. их численность оценивалась в 4,5–5,8 млн человек [Рязанцев, 2004] и с тех пор только увеличивалась. Однако и оценка числа отходников в 15–20 млн человек [Плюснин и др., 2013] завышена и включает почти все трудоспособное население (мужское и женское) сельской местности, малых городов и поселков городского типа.

На рис. 1 показаны расчеты, выполненные по балансу трудовых ресурсов Министерства труда и социальной защиты населения Ставропольского края с учетом оценок разных специалистов этого министерства⁵. Они определяют долю неформальной занятости в крае в среднем в 24%, что соответствует общероссийским оценкам. Численность безработных, зарегистрированных в государственной службе занятости, составляет всего 19 тыс. человек, уровень официальной безработицы в крае низкий (1,3%), по методике расчета Международной организации труда он составляет 5,1%. По этому показателю Ставропольский край находится на среднероссийском уровне и занимает 42-е место по напряженности на рынке труда [Обследование..., 2014], хотя его позиции относительно среднероссийских показателей постепенно ухудшаются. При этом, если из всех трудовых ресурсов вычесть формально и неформально занятых, студентов, льготников (многие из которых также работают), остается “зазор” в 280 тыс. человек. Значительная часть этого незанятого населения, как считают специалисты края, работает на отходе вне Ставрополья. Эти оценки создают лишь основу для размышлений, но есть и более детальные обследования.

В 2014 г. администрация Грачевского сельского муниципального района, примыкающего с северо-востока к пригородному Шпаковскому району, за-

Рис. 1. Структура занятости/незанятости трудовых ресурсов Ставропольского края, построена по данным баланса трудовых ресурсов Министерства труда и социальной защиты населения Ставропольского края

просила у всех поселений данные о месте работы их жителей (рис. 2). Выяснилось, что из 14,8 тыс. занятых в районе (из которых 1,4 тыс. — работающие пенсионеры) почти 6 тысяч работают за пределами района. При этом 1055 человек зарегистрированы в районе, но не проживают и крайне редко появляются в нем (живут в городах или в соседних республиках, их вряд ли можно считать отходниками), а 4725 человек работают вне района, в том числе на отходе в Москве, Московской области, Ростове-на-Дону, часть — маятниковые мигранты в Ставрополь, хотя разница в зарплатах не очень велика (в Грачевском районе она составляет 80% среднеобластного уровня, в Ставрополе — 120% [Ставропольский..., 2014]. При росте цен на билеты и бензин это не оправдывает ежедневных затрат на транспорт. Уровень официальной занятости в районе примерно такой же, как и в крае в среднем, а неформальной — ниже в силу ограничений сбыта продукции и неразвитости сферы услуг из-за бедности населения, но в основном население выживает с помощью отходничества, причем весьма далеко — с месячными и полугодовыми интервалами.

По данным ОНПЗ, за пределы Ставропольского края в 2013 г. выезжали на работу всего 37 тыс. человек⁶. Эти цифры, полученные пролонгированием на все население опросов незначительной его доли⁷, намного ниже оценок местных специалистов и экспертов. Тем не менее географическую картину отходничества они отчасти отражают. Почти 40% отходников едет в Москву и Московскую область, каждый пятый — в Краснодарский край, во всех случаях с периодичностью несколько недель. Из привлекательных регионов можно выделить Тюменскую область с нефтяными округами (12%) и Ростовскую область. Ежедневные обмены трудовыми ресурсами характерны для соседних республик, хотя доля таких маятниковых трудовых мигрантов составляет ~5%.

Результаты исследований и их обсуждение. Несмотря на спорность официальных данных о числе

⁵ В трудовые ресурсы включено население в трудоспособном возрасте, работающие пенсионеры и подростки, а также иностранные рабочие по региональной квоте.

⁶ URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/b13_30/Main.htm (дата обращения: 20.12.2014).

⁷ Ежеквартально в РФ опрашивается 69 тыс. человек, что составляет 0,25% населения.

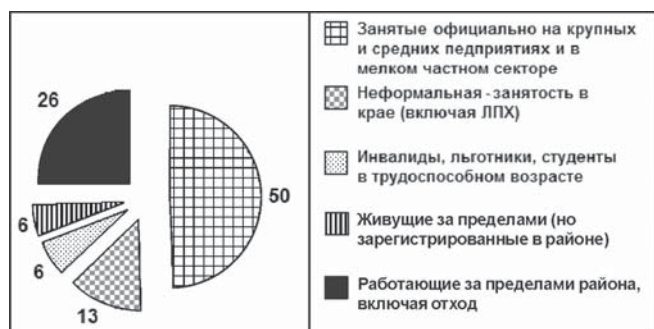

Рис. 2. Структура занятости/незанятости трудовых ресурсов Грачевского района, построена по данным поселковых и муниципальной администраций Грачевского района

отходников, представление о территориальной дифференциации численности незанятого населения в трудоспособном возрасте они все же дают.

Доля не занятого в месте проживания населения увеличивается обычно рядом с городами за счет маятниковых мигрантов. В Ставропольском крае она оказалась повышена также в относительно благополучных сельскохозяйственных районах на западе и юго-западе региона (рис. 3), там, где лучше сохранилась колхозная система с расширением производства зерновых культур и доминирует русское население [Нефедова, 2012, 2013], а также в некоторых центральных районах края. Это связано с несколькими причинами. На западе края распространены крупные села и станицы (от 1,5 до 10–15 тыс. человек) с моноаграрной специализацией, в которых обычно отсутствует переработка агропродукции, а сфера услуг не развита. Переориентация крупных агропредприятий на производство выгодного зерна (доля зерновых культур в посевной площади во многих районах увеличилась с 50 до 70–80%) привела к уменьшению кормовых угодий и свертыванию малорентабельного молочного животноводства, которое сохранилось в крайне незначительном числе предприятий и у населения.

Поскольку животноводство наиболее трудозатратно, эти перемены вызвали резкое сокращение занятости даже в успешных сельскохозяйственных районах. Фермеры также занимаются преимущественно растениеводством, им требуется минимум работников. Более того, финансовая состоятельность крупных и более мелких хозяйств стимулировала их модернизацию, покупку новой техники со сложным управлением. Это уменьшило потребность хозяйств в числе занятых (для растениеводства, помимо специалистов, необходимы квалифицированные механизаторы и чернорабочие с минимальной зарплатой, в качестве которых часто используют иностранных рабочих). Агрохолдинги также следуют этим тенденциям, даже если кроме растениеводства занимаются птицеводством или свиноводством в современных модернизированных комплексах.

Эти резкие организационно-технологические перемены выявили сильную перенаселенность южного села. Кроме того, часть предприятий закрылась, их место заняли фермеры. Поляризация сельской местности, как и всюду в России, усилилась [Нефедова, 2013]. Важны и психологические факторы: несмотря на то что человеческий капитал здесь сохранен лучше, чем в Нечерноземье с его длительной депопуляцией, русскому населению крупных сел и станиц, привыкшему к наемному труду в благополучных колхозах, было труднее освоить предпринимательство. В современных институциональных условиях, при сложности получить кредиты, постоянных проверках с коррупционной составляющей и ожесточенной борьбе за землю⁸, выходом из безденежья стал переход к самообеспечению на своих приусадебных участках, а также отход на заработки.

На востоке и северо-востоке региона и в предгорных районах с более сложными природными условиями и животноводческой специализацией крупные предприятия сохранились хуже. Большую

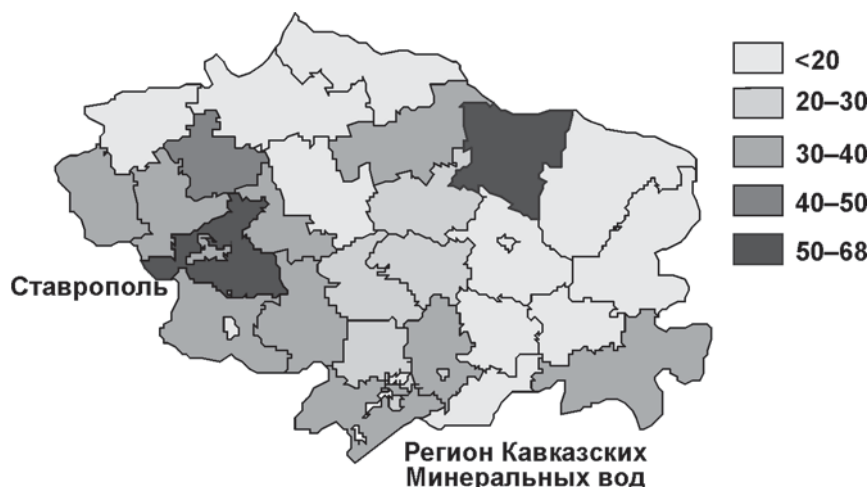

Рис. 3. Доля населения в трудоспособном возрасте, незанятого в месте проживания в 2013 г., построена по данным Министерства труда и социальной защиты населения Ставропольского края, Ставрополь

⁸ Земельные паи населения находятся, как правило, в аренде у колхозов или фермеров или выкуплены агрохолдингами.

часть продукции производят хозяйства населения. Главная специализация фермеров, чаще выходцев из Дагестана, — животноводство. Кроме того, фермеры и население выращивают овощи. И животноводство и растениеводство в таких хозяйствах в значительной степени носят теневой характер. Это могут быть и семейные хозяйства, и хозяйства с работниками, и даже аренда земли приезжающими на сезон арендаторами (часто это корейцы из Средней Азии). Объем их продукции и значительная часть скота или не учитываются в статистике, или сильно занижены. Кредиты они не используют, число наемных работников неизвестно. Тем не менее занятость здесь за счет многочисленных частных хозяев выше, чем в более благополучных зерновых западных районах (исключение составляют районы на границе с Чеченской Республикой и некоторые северные). Особенно сильно разрушено овцеводство на крупных предприятиях. Основными производителями стали частные хозяйства, которые увеличили стада овец до нескольких сотен и тысяч голов. Кооперации между ними нет, что затрудняет их модернизацию. Инвестиции в такие районы идут из республик. Русское население не может конкурировать с этими хозяйствами, что приводит к его оттоку из районов, пограничных с республиками Северного Кавказа, и многих средних районов Ставрополя.

Степень корреляционной связи притока мигрантов на постоянное место жительства и доли незанятого в данном районе или городе населения невысокая, но положительная (0,28), что на первый взгляд парадоксально. На рис. 4 видно, как постепенно менялась привлекательность сельской местности края. Если в начале 1990-х гг. все районы, а особенно западные и южные показывали прирост населения за счет переезда в Ставропольский край жителей с севера, востока страны и бывших союзных республик, то уже во второй половине 1990-х гг. обозначился отток из северных районов края, особенно русского населения, с частичной его заменой кавказским населением, переехавшим на постоянное место жительства (ПМЖ) или на временные работы. В 2000-х гг. территория миграций выходцев из республик Северного Кавказа в Ставрополье распространилась на центральные районы края. На северо-востоке и востоке края этот процесс был усилен этническими проблемами⁹. К концу 2000-х гг. явно обозначились очаги притяжения в виде столицы региона с ее пригородом и агломерации Кавминвод. Притяга-

тельность западных районов края уменьшалась медленнее, в 2013 г. остался лишь наиболее благополучный Новоалександровский район в Прикубанье. Особенно привлекательны для миграций на постоянное место жительства Ставрополь и его пригороды (ввод жилья составляет 1,2 и 1,6 м на человека в 2013 г. соответственно при 0,17 м в среднем для всех других муниципалитетов).

Поскольку миграции на ПМЖ ориентированы на большие города и их агломерации, коэффициент корреляции интенсивности миграций и уровня зарплат и оборота розничной торговли на душу населения составляет 0,47 и 0,43 соответственно. Выше всего корреляция с вводом жилья на душу населения (0,80), а с долей района в промышленности края — всего 0,19, что свидетельствует о преимущественно сервисной ориентации развития городов.

Ставрополь потерял значительную часть советской промышленности, в городе много бывших заводов либо пустует, либо переделано в торговые комплексы, но пока функционируют ОАО “Монокристалл”, ряд заводов ВПК, пищевая промышленность и др., столица производит 15% промышленной продукции края, больше выпускает лишь Невинномысск (32%) [Ставропольский..., 2014]. Торговый оборот на душу населения в Ставрополе (538 тыс. руб. в 2013 г.) превосходит оборот даже курортного Пятигорска (417 тыс. руб.) с его мощными рынками и в 10–20 раз больше, чем душевой торговый оборот в сельской местности. Это говорит о сильной натурализации домашних хозяйств края и практике редких поездок в Ставрополь за покупками. В столице региона работают 215 тыс. человек (19% всех занятых в крае), в агломерации Кавминвод — 20%. В Ставрополе учатся более 70 тыс. студентов. Невысокая привлекательность для населения остальных городов, даже промышленного Невинномысска, хорошо видна на рис. 5. При этом на востоке не только для сельской местности, но и для городов в последние годы характерен существенный отток населения.

Выводы:

— методы исследования населения, не занятого в месте постоянной регистрации, лишь отчасти могут быть основаны на статистике занятости, трудовых балансах и т.п., они требуют привлечения экспертного мнения и обследования на местах. Исследования на разных масштабных уровнях (регион, район, поселение) показали, что чем меньше объект исследования, тем больше вероят-

⁹ Конфликты и напряжение, связанные с приездом мигрантов из республик Северного Кавказа, в основе имеют часто хозяйственную подоплеку. В 1970–1980-х гг. приток кавказских народностей в села Ставрополья был связан с искусственным дефицитом трудовых ресурсов в советское время и востребованностью традиционных навыков животноводства (большинство работало чабанами). Теперь при повышенной незанятости в сельской местности и дефиците пастбищных ресурсов вокруг сел и кошар большие стада скота, принадлежащие кавказским мигрантам вызывают недовольство как местного населения, так и администраций. Но процесс, набравший силу, остановить невозможно, так как сложились мощные диаспоры, которые привлекают соплеменников. А из своих республик их выдавливают безработица и малоземелье. При этом, оседая в равнинных районах, горские жители довольно быстро воспроизводят местный тип демографического поведения. Их естественный прирост постепенно снижается, своих двух-трех детей они стремятся переселить в города и дать им образование, что также усиливает урбанизацию.

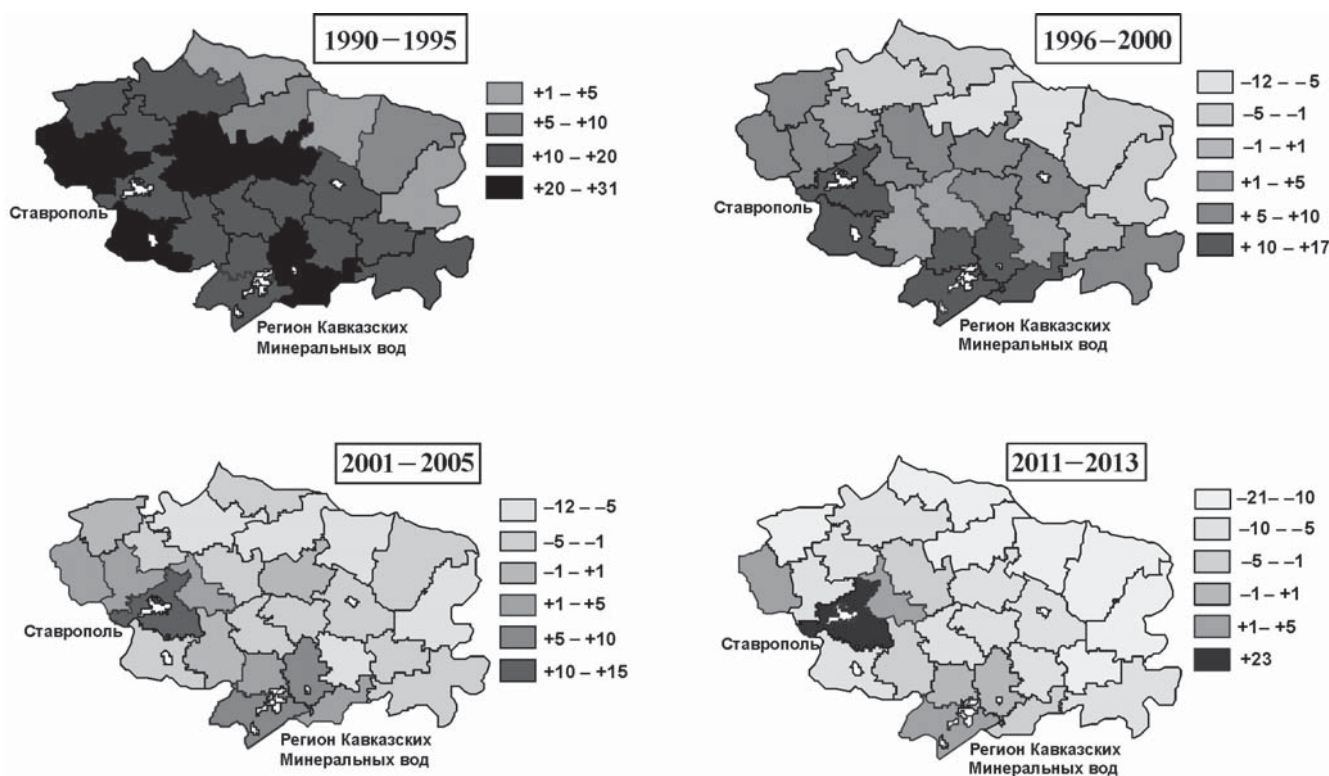

Рис. 4. Нетто-баланс миграций на постоянное место жительства на 1000 человек в 1990–1995, 1996–2000, 2001–2005, 2011–2013 гг. в муниципальных районах Ставропольского края, рассчитан по данным территориального органа по Ставропольскому краю Федеральной службы государственной статистики, Ставрополь

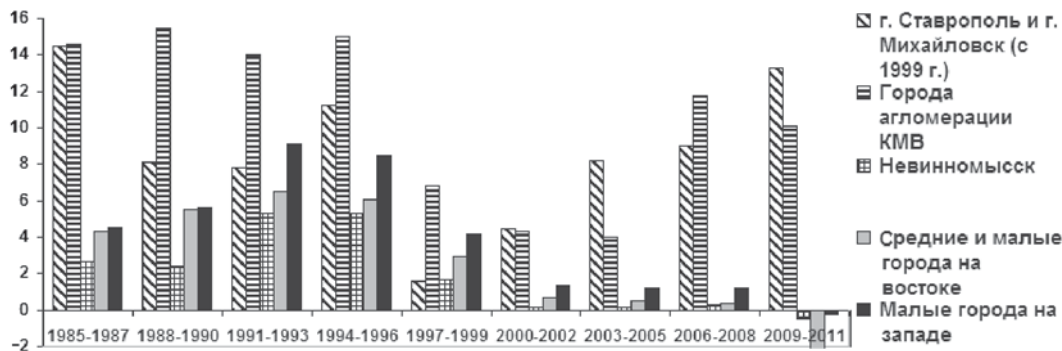

Рис. 5. Суммарный миграционный прирост населения по трелетиям с 1985 по 2011 г. в городах Ставрополя, источник данных — Паспорта городов России 1986–2011 гг., Москва, Федеральная служба государственной статистики РФ

ность получить достоверную информацию. Поэтому при изучении отходничества чрезвычайно важно применение полимасштабного подхода, позволяющего на каждом уровне контролировать адекватность оценок других уровней;

– в крупноселенных южных селах и станицах изменение специализации на менее трудоемкое растениеводство даже на успешно работающих агропредприятиях, а также их модернизация привели к высвобождению значительной части рабочей силы и к реально очень высокой доле незанятого населения (хотя официально регистрируется безработными лишь малая их часть). Во многих районах 1/4 и более трудоспособного населения работает вне места прописки, в том числе в Москве, или пытается выжить с помощью личного хозяйства. Таким образом, отходничество стало одним

из стабилизаторов экономики в селах и малых городах, хотя оно и имеет много негативных социальных последствий;

– различия между западной и восточной частями края велики и связаны не только с природными, но и с этническими факторами. В западных и центральных районах с более успешным сельским хозяйством при резком сокращении занятости русского населения на крупных агропредприятиях и в подразделениях агрохолдингов проблемы оказались острее, чем на более депрессивном востоке, где произошла частичная компенсация потерь рабочих мест за счет неформальной деятельности диаспор кавказских народностей. Однако учесть степень занятости и незанятости населения на востоке края невозможно из-за наплыва нерегистрируемого населения из соседних республик.

Для него Ставропольский край служит местом не выхода, а притяжения на временные заработки на предприятиях или для ведения мелкого неформального бизнеса;

– население, особенно русское, продолжает внутри края переезжать из северных и восточных районов на постоянное место жительства на плодородный запад, где сокращаются рабочие места, но можно вести товарное личное хозяйство, либо в оба пригородных ареала Ставрополя и Кавминвод, откуда возможны маятниковые миграции в города;

– южные районы европейской территории России и в советское время привлекали население, а в постсоветские годы стали местом притяжения и населения и инвестиций, особенно в сельское хозяйство. Трансформация сельской местности выявила существенную аграрную перенаселенность в зерновой зоне юга. На восточных и южных окраинах Ставрополья она усиливается неконтролируемыми миграциями из северокавказских республик на временные работы, что создает дополнительное напряжение на рынке труда и усиливает отъезд населения из сельской местности и малых городов в большие или на заработки в другие регионы. Это стимулировало в Ставрополье урбанизацию и отходничество. Вероятно, кризис 2015 г. остудит перегретые рынки крупнейших центров страны. Из-за сокращения в них рабочих мест часть отходников, возможно, вернется в свои села и города, а их семьи еще в большей степени перейдут на натуральное хозяйство;

– южные районы лучше сохранили и даже привлекли молодое и активное население. Однако

более высокое качество человеческого капитала, инициативность населения стимулировали повышенный уровень его отхода в города и за пределы Ставропольского края, так как в современных институциональных условиях русское население в мелком частном бизнесе, в основном неформальном, проигрывало в конкуренции с представителями других народностей;

– хотя ситуация в Ставропольском крае и отражает общую картину на юге России, она имеет и специфические особенности, связанные с большим влиянием этнохозяйственных проблем и недостаточной мощностью главных центров. В результате в Ставрополье весьма распространены дальний отход основной массы населения за пределы края в города-миллионники и маятниковые миграции в пригородах Ставрополя и городах Кавминвод (для сравнения: в Ростовской области при более значительных внутрирегиональных контрастах в заработках и сильном притяжении Ростова-на-Дону больше развит отход в региональный центр [Долгов, 2014]);

– решение проблем занятости в таких регионах с сохранившимся человеческим капиталом лежит в сфере стимулирования на федеральном и региональном уровнях развития именно малого бизнеса в городах и сельской местности, а также в развитии среднего бизнеса в виде сельской индустриализации в крупных селах (создание предприятий агропромышленного комплекса, легкой промышленности, стройматериалов и т.п.), в том числе для легализации неформальной занятости.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

REFERENCES

Белозеров В.С. Трансформация этнодемографических и миграционных процессов на Северном Кавказе // Население Юга России: трансформация воспроизводства, расселения и образа жизни в современных геополитических условиях. Ставрополь: Ставропольский ГУ, 2009.

Belozerov V.S. Transformatsiya etnodemograficheskikh i migratsionnykh processov na Severnom Kavkaze [The transformation of ethno-demographic and migration processes in the North Caucasus] // Naselenie Yuga Rossii: transformatsiya vosproizvodstva, rasseleniya i obraza zhizni v sovremennykh geopoliticheskikh usloviyah. Stavropol', Stavropol'skiy gos. Universitet, 2009 (in Russian).

Великий П.П. Неотходничество, или Лишние люди современной деревни // Социологические исследования. 2010. № 9. С. 44–49.

Velikiy P.P. Neotkhodnichestvo, ili Lishnie lyudi sovremennoy derevni [Neotkhodnichestvo, or superfluous people in modern villiges] // Sotsiologicheskie issledovaniya, 2010, no 9, pp. 44–49 (in Russian).

Владимирский Н.Н. Отход крестьян Костромской губернии на заработки. Кострома: Изд. Костромского губстатотдела, 1927. 204 с.

Vladimirskiy N.N. Othod krestyan Kostromskoy gubernii na zarabotki [Otkhod of Kostroma province peasants for wages]. Kostroma, Izdanie Kostromskogo gubstatotdela, 1927, 204 p. (in Russian)

Всероссийская перепись населения 2010 года: Предварительные итоги. М.: ФСГС, 2011.

Vserossiyskaya perepis' naseleniya 2010 goda: Predvaritel'nye itogi [Russian population census of 2010: Preliminary results]. М., FSGS, 2011 (in Russian).

Данилов В.П. Крестьянский отход на промыслы в 1920-х гг. // Ист. зап. № 094. М.: Наука, 1974. С. 46–88.

Danilov V.P. Krestyanskiy othod na promysly v 1920-gg. [Peasant otkhod for crafts in the 1920s] // Istoricheskie zapiski. no 094. М., Nauka, 1974, pp. 46–88 (in Russian).

Денисенко М.Б., Карачурина Л.Б., Мкртчян Н.В. Миграционный потенциал лиц, ищущих работу, и безработных (по результатам социологического обследования) // Демоскоп Weekly, 2009. URL: <http://demoscope.ru/weekly/2009/0397/analit03.php/> (дата обращения: 20.06.2014).

Denisenko M.B., Karachurina L.B., Mkrtchyan N.V. Migratsionniy potentsial lits, ishchushchih rabotu, i bezrabotnykh (po rezul'tatam sotsiologicheskogo obsledovaniya) [Migration potential searching for job and unemployed people (according to the results of sociological surveys)] // Demoscop Weekly, 2009. URL: <http://demoscope.ru/weekly/2009/0397/analit03.php/> (Accessed: 20.06.2014).

Долгов А.А. Современные миграционные процессы в Ростовской области: региональный анализ // Миграционные процессы: проблемы адаптации и интеграции мигрантов: Сб. материалов Междунар. науч.-практ. конф.

Ставрополь: Северо-Кавказский федеральный университет: Институт соц.-полит. исследований РАН, 2014. С. 53–56.

Dolgov A.A. Sovremennye migratsionnye processy v Rostovskoy oblasti: regional'nyy analiz [Contemporary migration processes in the Rostov oblast': regional analysis] // Migratsionnye protsessy: problemy adaptatsii i integratsii migrantov. Sbornik materialov Mezhdunarodnoy nauchno-practicheskoy konferentsii. Stavropol', Severo-Kaskazskii Federalniy universitet, Institut social'no-politicheskikh issledovaniy RAN, 2014, pp. 53–56 (in Russian).

Кубишин Е.С. Неформальная занятость населения России // ЭКО. 2003. № 2. С. 160–176.

Kubishin E.S. Neformal'naya zanyatost' naseleniya Rossii [Informal employment in Russia] // ECO. 2003, no 2, pp. 160–176 (in Russian).

Нефедова Т.Г. Сельское Ставрополье глазами московского географа. Разнообразие районов на юге России. Ставрополь: Ставропольский ГУ: Институт географии РАН, 2012. 80 с.

Nefedova T.G. Selskoe Stavropol'e glazami moskovskogo geografa. Raznoobrazie rayonov na yuge Rossii [Rural Stavropol through the eyes of Moscow geographer. The variety of areas in the South of Russia]. Stavropol', Stavropolskiy gos. Universitet, Institut geografii RAN, 2012, 80 p. (in Russian).

Нефедова Т.Г. Десять актуальных вопросов о сельской России: Ответы географа. М.: URSS, 2013–2014. 452 с.

Nefedova T.G. Desyat' aktual'nykh voprosov o sel'skoy Rossii: Otvetu geografa [Ten topical issues about rural Russia. A geographer's viewpoint]. M.: URSS, 2013–2014, 452 p. (in Russian).

Нефедова Т.Г., Пэллот Дж. Неизвестное сельское хозяйство России, или Зачем нужна корова? М.: Новое издательство, 2006. 318 с.

Nefedova T., Pallot J. Neizvestnoe sel'skoe khozaystvo Rossii, ili Zachem nuzhna korova? [Russian unknown agriculture, or the need to own a cow]. M.: Novoe izdatel'stvo, 2006, 318 p. (in Russian).

Обследование населения по проблемам занятости. М.: ФСГС, 2010, 2013. URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/b13_30/Main.htm (дата обращения: 20.12.2014).

Obsledovanie naseleniya po problemam zanyatosti [Population survey on employment], M.: FSGS, 2010, 2013. URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/b13_30/Main.htm (Accessed: 20.12.2014).

Плюснин Ю.М., Зайсаева Я.Д., Жидкевич Н.Н., Позаненко А.А. Отходники. М.: Новый хронограф, 2013. 373 с.

Plyusnin Yu.M., Zausaeva Ya.D., Zridkevich N.N., Pozanenko A.A. Otkhodniki. M.: Noviy hronograf, 2013, 373 p. (in Russian).

Регионы России: Статистический справочник. М.: Федеральная служба гос. статистики, 2013.

Regiony Rossii: Statisticheskii sbornik. M.: FSGS, 2013 (in Russian).

Рыбников А.А. Перенаселение и борьба с ним // Хрестоматия “Экономическая география” / Под ред. Н.Н. Баранского. Т. 2. СССР. М.: Изд-во комм. ун-та имени Я.М. Свердлова, 1929. С. 60–111.

Rybnikov A.A. Perenaselenie i bor'ba s nim [Overpopulation and the fight against it] // Khrestomatiya “Ekonomicheskaya geografiya” / Pod red. N.N. Baranskiy. Vol. 2. SSSR. M.: Isd-vo komm. un-ta bv. Ya.M. Sverdlova, 1929, p. 60–111 (in Russian).

Рязанцев С.В. Внутренняя миграция населения в России: региональные особенности и перспективы // Народнонаселение. 2004. № 3.

Ryazantsev S.V. Vnutrennyaya migratsiya naseleniya v Rossii: regionalnye osobennosti i perspektivy [Internal migration in Russia: regional aspects and prospects] // Narodonaselenie. M., 2004, no 3 (in Russian).

Ставропольский край 2014. Статистический ежегодник. М.: Федеральная служба государственной статистики. Территориальный орган по Ставропольскому краю, 2014.

Stavropol'skiy kraiy 2014. Statisticheskii erzegodnik. FSGS. Territorialniy organ po Stavropol'skomu kraiyu, 2014 (in Russian).

Труд и занятость в России: Статистический справочник. М.: Федеральная службы гос. статистики, 2013.

Trud i zanyatost' v Rossii 2013. Statisticheskii sbornik. M.: FSGS, 2013 (in Russian).

Численность населения Российской Федерации по муниципальным образованиям на 1 января 2014 года. М.: Федеральная служба государственной статистики, 2014.

Chislennost' naseleniya Rossiyskoy Federatsiy po munitsipal'nyim obrazovaniyam na 1 yanvarya 2014 goda. M., FSGS, 2014 (in Russian).

Флоринская Ю.Ф., Мкртчян Н.В., Малева Т.М., Кириллова М.К. Миграция и рынок труда: Науч. докл. Вып. 8. М.: РАНХиГС, 2015. 106 с.

Florinskaya Yu.F., Mkrtyan N.V., Maleva T.M., Kirillova M.K. Migratsii i rynek truda [Migrations and labor market]. Nauchnye doklady. M., RANHiGS, 2015, V. 8, 106 p. (in Russian).

Поступила в редакцию
09.02.2015

T.G. Nefedova

EMPLOYMENT OF POPULATION AND A PHENOMENON OF SEASONAL WORK IN THE STAVROPOL KRAI

Burning problems of population employment in the southern region of European Russia caused by the closing of industrial enterprises, changes in agriculture (shifting to less labor-consuming production) and reduction of cattle numbers. In the Stavropol Krai these problems are augmented by specific features of settlement (large settlements in the mono-specialized rural country). Another important factor is the increasing share of non-Russians who appeared to be more competitive in several spheres of economic activities under the complicated institutional situation of the post-Soviet period. Methodics of studying the employment and identification of population looking for jobs outside the Stavropol Krai are described. Different levels of unemployment in particular regions of the Krai relate to urban size and functions, the state and specialization of agriculture, small business development and the ethnic composition of population. Correlation of seasonal labor migration and permanent emigration was analyzed. Several maps and the graph illustrating the changing attractiveness of particular regions and towns of the Stavropol Krai during 1990–2013 are presented.

Key words: labor resources, employment, seasonal work, migration, urbanization, rural country, towns, Stavropol Krai.